

● Путеводитель по Киномоскве
В программе XXVII Московского фестиваля —
кино экзотических стран, обширная российская
программа, показ лучших фильмов Канн-2005.....

26

ПРАВДА
FESTIVE

часть 3

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Коллеги по газете меня поразили. Как начали сыпать фразами из комедии Юрия Мамина «Окно в Париж», мне даже стыдно стало. Вот, думаю, знание материала. А еще думаю: вот так Мамин! Больше 10 лет прошло с премьеры картины, а как прочно она втиснулась и расположилась в обиходе жизни, движется вместе с нами, кому рекомендацию дает, кому — отдушину, диагноз обществу ставит самый что ни на есть точный: «Да! Вы родились в несчастной, разоренной стране... Но это же ваша страна... Ведь можно же сделать ее лучше! Но вы ведь даже не пытались!!!».

Юрию Мамину — под 60. И всего пять картин: «Праздник Нептуна», «Фонтан», «Бакенбарды», «Окно в Париж», «Горько». Мы встретились в Питере на Сенной...

Мамин — настоящий патриот Питера, с гордостью показывает дворы-колодцы, в каждом из которых могли бы жить персонажи Достоевского. Тут же окна репетиционной, в которой отработывали хореографические па удивительные дети из народного фильма «Окно в Париж».

Зашли в маленькое кафе, из дверей которого на улицу тянется запах свежеспеченной сдобы.

Как законопатили окно в Париж

Юрий МАМИН: «Культура, попадая в руки дельцов, превращается в масскульт»

Юрий Мамин в недоумении: почему нет денег на комедии?

— Вы ленинградец или петербуржец?

— Сейчас так злоупотребляют этим «ж», стали даже говорить «краснояржцы», «новгороджцы». А ленинградцы — это те, что по убеждениям? Тогда я петербуржец. Смешно во мне, сатирике, видеть ленинца. Живу в квартире, где родился, где блокаду провели родные, приехали в 20-е из брянской губернии в Петергоф. Дед из

комиссаров, но добрый был. Любил выпить, спеть в компании — короче, душа общества. Работал в комиссариате речных путей. Слухач. Играл на гитаре, гармонии. От прошлых времен и людей пианино ему досталось, он быстро овладел им.

— Значит, гены, вы ведь профессиональный музыкант.

— Почти профессиональный. Не зарабатываю этим денег.

(Юра скромничает, он — пианист, композитор — писал музыку к спектаклям, к «Окну в Париж», придумал и вел одну из лучших программ питерского ТВ «От форте до пьяно». Ныне подобных интеллигентных программ на телевидении не сыскать.)

— Почему у современного телевидения дух агрессивного жлобства и халтуры? Особенно этим грешат так называемые юмористические передачи.

— Не стало высокого юмора: сначала он опустился, потом умер. Юмор отражает состояние общества. Но ведь бывает и солдатский юмор, когда в зале ржут. Детсадовский юмор, тюремный. Юмором можно поднимать и опускать.

**«Мы часто подхватываем
внешнюю форму, забывая
о самобытности
собственной жизни»**

Окончание на стр. 26 — 27

Окончание. Начало на стр. 25

— С чем же связана захлестнувшая нас волна низменного юмора, животного смеха?

— Стремительно уронили культуру общества. Она никогда не была особенно высока, но и в годы империи как-то сохранялась, и при Горбачеве. Выяснилось, что и писатели в советские времена у нас были довольно крупные, и произведения, опиравшиеся на великую литературу XIX века.

Когда я учился в школе, произошла хрущевская оттепель. Меня воспитало поколение, пришедшее с романтическим и ошибочным намерением построить социализм с человеческим лицом. Но, с моей точки зрения, потенциал добра и таланта был выше, чем сейчас. Хотя для ищущего художника большинство дверей были закрыты. Зато под спудом существовало законспирированное гражданское общество, понимавшее, против кого оно «дружит». Против партфункционеров. Было взаимопонимание и в среде кинематографистов. И когда Горбачев снял цензурные препоны, на первых ролях оказались шестидесятники.

Российскому сознанию мешает желание мгновенно получить все. Вспомните лозунги 90-х Явлинского, Гайдара: 100

тельно. Не поддавались на рекламу. Читали внимательно. Делили все услышанное на два, на четыре. Провинциальные интеллигенты жили не менее насыщенной жизнью, чем столичные. Знали, читали, слушали, ездили в Москву.

— Почему такое количество примитивно комикующих передач, примитивных фильмов на одно лицо? Это молекулярное деление?

— Видите ли, не могу сказать, что за это время мне никто не предлагал работу. Наверное, деньгодателей попросту распугал. Со мной тяжело, я задаю вопросы. Почему концы с концами не сходятся? Для кого передача? Они в полемику не вступают — быстренько растворяются. В кино то же самое: вот вам сценарий. С надеждой сажусь читать. О, ужас! Если соглашусь снимать, никто после этого мне руки не подает, да и сам себе не подам...

— Сейчас происходит вымывание искусства. Музыка оборачивается попсой, кино — экшеном, скульптура оцетрелилась, архитектура гонит метры-«бабки».

— Людей отучают задумываться. Кино развивалось как искусство, впитывая наследие театра, литературы. Кино помогало познавать взаимоотношения людей, сохранять само-

друг друга. И масскульт стал площадкой этого объединения.

— Да, но когда-нибудь надо его остановить. Что ж мы только сокрушаемся?! Да, общество опустилось, но, полагаю, в нем копится и чувство неудовлетворенности...

— А не кажется вам, что процесс опускания, во главе которого, вне всякого сомнения, стоит родное ТВ, — движение в одну сторону, да еще набирающее обороты. Ведь поколение за поколением из дня в день программируют на антигуманитарные ценности.

— Надеюсь лишь на зреющую неудовлетворенность, огорченность тем, что происходит, активной части общества. Ясно: то, что большевики говорили про паризм, — вранье, но их слова про капитализм оказались во многом верны. Нас обманули: из несправедливого общества вылепили еще более несправедливое. Когда один обворовывает другого и требует уважения. Когда нет настоящей творческой конкуренции.

— Изменилось понятие престижа. Правильное кино посмотреть, правильного человека услышать. Отсюда и уважение к искусству, к людям творческим, стремление подняться чуть-чуть над собой. А теперь? Извините, на вас, «инженеров человеческих душ» и пленкомарателей, смотрят пренебрежительно: «Что, снова денег пришли просить?».

— На эту тему у меня море примеров. Приходят смотреть материал: «Так, всю болтовню выбросить, это оставьте. Ладно, ладно морщиться. Время, когда вы считали себя умными, а нас дураками, прошло. Теперь все конкретно на своих местах». Поскольку ментально они воры, то во всех видят воров. Что, по-вашему, должна делать съемочная группа? Правильно — воровать. Почему художник тратит столько краски? Пусть каждую пустую коробку отсылает в Москву, платит за посылку вдвое дороже стоимости краски, чтобы бывшие воры могли бы его проконтролировать.

— Традиции комедии существовали в российском кинематографе с его рождения. И после революции не исчезли, серьезное дело смеха подхватили прежде всего питерские режиссеры, ФЭКСы. Почему комедия процветала при тоталитарном строе и угасла при демократии?

— Кому ее снимать? За 19 лет мне позволили сделать пять картин. Каждая — мытарство, пробивание, пролонгирование. Ведь у меня не было явных проколов. Ну, может, «Горько!» — более или менее коммерческая картина. И то лишь потому, что пришлось выполнять требования деньгодателей. Сделали вариацию на темы Боккаччо, скорее для телевидения. Сценарий, который я хотел снимать, был яркий и интерес-

«Под спудом существовало законспирированное гражданское общество, понимавшее, против кого оно «дружит». Против партфункционеров»

дней, 500 дней. Похоже на прежнее скоростное строительство дороги в коммунизм. Революционное поспешательство. Реки — вспять, Арал — на фид, товарный обмен сам все расставит по местам. Но есть вещи, которые преступно отдавать во власть импровизации. Культура, например, попадая в руки дельцов, превращается в масскульт. Парадокс: количество телеканалов растет, и, как ни странно, это разобщает общество. Нет тем для разговоров. Помните, «Пятое колесо» в Петербурге обсуждали, и что-то такое вместе росло. Это был рост общественного сознания, который можно было культивировать вопреки мелкой идеологии партийцев, которых презирали. Ругань в газете была лучшей рекомендацией. «Охотники на оленей» — от фильма в нашей прессе камня на камне не оставили; и все рвались его смотреть. Люди думали самостоя-

бытность в меняющемся мире. В России тоже делалось такое кино. Оно спорило с достижениями европейского кинематографа. Но Россия традиционно страна подражательная, легко хватает форму на стороне: давай говорить чужими языками, то немецким в XVIII веке, то французским в XIX, то парики начинают носить, то бороды брить, то снимать под Тарантино. Наша культура часто подхватывает внешнюю форму, забывая о самобытности собственной жизни.

— И возникает наш национальный вид конфликта: внутреннего «старообрядчества» с новомодной формой.

— Верно. Вот сейчас время масскульта. Он пришел, освоился.

— Но ему всегда тесно, он — каша из горшочка беспомощной идеологии. Кьеркегор точно подметил: пафос и комическое всегда обеспечивают существование

Кадр из фильма «Окно в Париж»

ственную самостоятельность. Но картина должна нравиться на разных уровнях. У меня лишь две универсальные: «Праздник Нептуна» и «Окно в Париж». Нравятся популярным людям по разным причинам. В «Празднике Нептуна» — галерея образов из выдающихся патристических произведений кинематографа: от «Александра Невского» до «Коммуниста», которую не все просекают. Кто это считает — радуется. Но и тому, кто не понимает, — смешно. Их радуется сюжет.

— Помню, как во время просмотра «...Нептуна» на советском семинаре искушенные зрители буквально падали со стульев. Сегодня ниша высококлассной комедии пуста. Хотя кино вроде бы возрождается.

— Я люблю показывать смонтированный фильм в наполненном зале, смотреть на зрителя, слушать и слышать, как он реагирует. Всегда ведь чувствуешь, где зритель интересно, а где он начинает скучать. Потом редактирую картину за монтажным столом. Сейчас я хожу в кино на чужие фильмы, чтобы примериться: вот эта сегодняшняя толпа — поймет ли она меня?

С нетерпением и затаенным страхом жду выхода картины, над которой сейчас работаю. В ней мы смеемся над современным жлобом. Его вкусами, окружением, самообманом.

— А жлоб придет смеяться над собой?

— Будет смеяться не над собой — над близким другом Васей и конкурентом Шурой. Человек так устроен — смеяться над соседом.

— Когда вы сочиняете комедию, в нее перетекают ваши ежедневные впечатления?

— Конечно, вот жена возвращается: «Что я сейчас видела. Шел передо мной спокойно человек, вдруг набросился на телефонную будку, всю ее расколошматил в минуту. Выплеснул ненависть — дальше пошел». Все. Вставляем в картину — вот центральный эпизод из «Окна в Париж», а сломанная будка — портрет эпохи 90-х.

— А куда подевались актеры, способные соединять в себе комическое, драматическое и даже трагическое? Такие, как

На съемочной площадке (Юрий Мамин в центре)

Архив «Новой»

Как законопатили окно в Париж

Юрий МАМИН:

«Культура, попадая в руки дельцов, превращается в масскульт»

ный, но его не утвердили. Звезды, герои отечественного кино должны были играть деклассированных людей. Четыре старика дружат: Ульянов, Тихонов, Быков, Лавров. Сдают посуду, расстилают газетку и под незатейливую закусь вспоминают... Один, по кличке Генеральный, строил ракету, да спирта не хватило. Весь тайно выпили. Другой признается в проколах «резидентской» работы. Бармалей управлялся с редкими животными. Председателю тоже есть что припомнить. Времена меняются: брежневские, андроповские, перестройка. И возникает портрет вымирающего общества, воспитанного на светлых образах нормативного искусства. И при этом все смешно!

— Не понимаю: после народного «Окна в Париж», по степени популярности в 90-е не имеющего равных, вам должны были сыпаться заказы на комедию...

— Годами не мог получить деньги ни на один кинопроект. С 94-го по 98-й — простой. Вынужден был снять «Горько!». Нашу музыкальную телепрограмму «От форте до пьяно» закрывали три раза. Устал. Вот два года назад запустился. Есть такая форма: государство дает часть денег, остальное — ищи у частных лиц. Закона, чтобы «лицам» было выгодно деньги на кино давать, — уже нет. Они со мной пьют, обещают горы золотые, мои прежние фильмы лежат домиками на столах. Но как только подходит время указать сумму прописью, инвесторы исчезают. Сейчас жена уехала в другой город разговаривать со спонсорами. У меня забит целый файл возможных имен денегодателей. Разговариваю, разговариваю. Вот уж съемки

начинаю, а денег — на половину фильма. Внебюджетную часть не могу собрать. Возможно, вынужден буду просто остановиться. У нас ведь геноцид рынка. И в правительстве в основном технократы. Для них культура — это развлечение, никак не воспитание чувств. Полагаю, если человек, ответственный за культуру, не руководит, а подчиняется объективным законам рынка, он не нужен. Культуру нельзя отдавать во власть купли-продажи. Рекламируют то, что выпускают, независимо от качества. Ленфильмовская картина «Итальянец» получила престижные призы на фестивалях. А телевидение отказывается ее покупать, продвигать. Никто не знает об этом фильме. Пропал табель о рангах. В России продвинулся талант невозможно, если он не причастен к корпоративному кружку, у которого доступ и к деньгам, и к телевидению.

— Картина, которую вы сейчас снимаете, «Не думай про белых обезьян» — снова по сценарию Вардунаса, она, как всегда, о современности?

— Да, тема перемены ценностей. Герой — бизнесмен,

для которого главное — деньги. Одаренный, но не отягощенный ни знаниями, ни культурой. В общем, жизненный персонаж. Судьба его сталкивается с богемой...

— В советские времена были три кита комедии: Рязанов, Данелия, Гайдай. Разные стили, ветви комического. Какие традиции продолжают? Или все ветви засохли?

— Должен сказать, я не снимаю кино, как Данелия или Рязанов, у нас разный вкус, стиль. Хотя уважаю и люблю то, что они делали. Восхищаюсь многими картинами своего учителя Рязанова. Высоко ценю талант Данелии, хотя оцениваю его фильмы иначе, чем сам Георгий Николаевич. Снимаю «Осенний марафон», он не считал ее большой картиной. Говорил нам: «Вот Кин-дза-дза» — это да». Ему не очень нравился Бузыкин как тип. Потому что он прямая противоположность Данелии: безвольный, мягкотелый, в общем, не мужик. Мне покойный Володин рассказывал, как режиссер ему предлагал: «Слушай, а давай миллионер даст этому Бузыкину по заднице...».

«Да нет, не стоит...» — не соглашался драматург. А в результате получился яркий и убедительный образ героя времени, в котором многие, и я в том числе, узнали себя. В этом и есть художник. Произведение часто оказывается мудрее автора. Сергей Микаэлян, снимая лучшую свою картину «Влюблен по собственному желанию», по словам оператора, делал фильм про аутизм. Снимал серьезно. А вышла комедия. Комедия получается лишь тогда, когда снимаешь серьезно. Пожалуй, это меня и связывает с нашими комедиографами-классиками: рассматриваем дурацкие ситуации, в которые втянуты герои, абсолютно серьезно.

— Востребованность в подобном кино исчезла?

— Когда по телевизору показывают гогольские над неумными скетчами полные залы, страна все больше превращается в солдатский клуб, показывают палец, люди падают со стульев от смеха — каких комедий вы ждете? Послушайте этот смех. Подобный я слышал в кинозале на «Бумере». Жлобский гогот. Горловой. Маркиз де Кюстин в своей знаменитой книжке дал точный портрет николаевской России (хотел я снять по мотивам этого повествования фильм со Жванецким, но, как обычно, денег не нашлось), так вот он заметил: смех плебея над высоким, которого он не способен поднять, — всегда низкий смех. Стремление унижить недоступное, опустить его до своего уровня — признак невежды и пошляка.

— У де Кюстина есть объяснение отсутствия нрав-

ственного чувства у нашего народа: «Это происходит в стране, где знать смотрит на элементарные правила честности как на законы, годные для плебеев, но не касающиеся людей голубой крови». И когда животный смех провоцируется, тиражируется, в этот круг оказываются втянутыми люди, которые в прежние времена подобного себе бы не позволили.

А возможно ли в опущенном обществе сказать нечто, что было бы и смешно, и ус-

лышно, и по уровню не ниже плинтуса?

— Вспомните картины раннего Рязанова. Он был самым универсальным из комедиографов, его фильмы нравились всем слоям общества. Данелию, кроме интеллигенции, знают меньше. Рязанова знают все...

— Он же вел телевизионную передачу...

— А Данелия бы не мог. При его обаятельности, таланте не было такой вальяжности, куража, демократизма... Вот мой «Фонтан» поняли далеко не все. Кто-то решил, что картина про ЖЭК. Умные угадали в ней модель общества. Кто-то думал, что «Праздник Нептуна» — фильм про художе-

«В правительстве в основном технократы. Для них культура — это развлечение, никак не воспитание чувств»

Леонов, Быков, Евстигнеев, Никулин?

— Все дело в востребованности. Не нужны они современным изготовителям «киножвачки». Уплощаются требования — актеры становятся марионетками.

Совсем не хочется нравиться нынешней толпе. Мне на нее наплевать. Но есть в обществе категория людей — не столь многочисленная — и для меня вполне достаточная. Им хочется показать фильм, их мнение хочется услышать, с ними хочется поговорить. Главное, дали бы доснять кино...

● Беседовала Лариса МАЛЮКОВА, обозреватель «Новой»

«Почему художник тратит столько краски? Пусть каждую пустую коробку отсылает в Москву, платит за посылку вдвое дороже стоимости краски, чтобы бывшие воры могли его проконтролировать»